

Игорь БОРЗЯ

Родился в 1963 году в Омске, учился в Свердловске. Летом 2014 года воевал в составе ополчения Луганщины (бригада «Призрак»). Позже занимался сбором и доставкой гуманитарной помощи в ЛНР и ДНР.

По профессии – журналист. Живет в Чите.

ДАНЬКИНА КАСКА

Марш-бросок в шести переходах, без привала

На сцену выходит Рассказчик. В его руках солдатская каска.

Р а с с к а з ч и к .

Видали вы армейский шлем?

Горшок горшком – причуд не лишку.

Внимательно рассматривает шлем.

Д о п у с т и м , т а к . . .

А между тем,

его читаю, словно книжку:

вот тут абзац, а здесь глава,

тире царапин, вмятин точки.

Следы от пуль на нём – слова,

рубцы осколков – это строчки.

П о т ё р т ,

невзрачен,

скромен,

нем.

Но для любого командира

военный шлем – не просто шлем,

а пятый том «Войны и мира».

З а н я т е н т о м с о в с е х б о к о в ,

но, изучив его до корки,

хитро спрошу:

итог – каков?

Появляется Даня Гимнастёркин

Гимнастёркин.

Живой – Данила Гимнастёркин!

Не просто жив – подшит-побрит,
хотя к вам сразу из окопа.

Пусть не единожды пробит
и ровно столько же заштопан.

Тонул в грязи и нюхал дым,
терпел вблизи разрывов пляски,
но кем-то, видно, был храним...

Забирает шлем у Рассказчика. Задумчиво гладит его

Спасибо ей – солдатской каске!

Мы с ней в разведку, в рейд и в бой...

Кладёт ладонь на грудь, где может находиться крестик или амулет

Поклон и этим, кто над нами
парил в траншеях – за спиной –
касаясь бруствера крылами.

Поворачивается к залу, смотрит куда-то поверх голов

Я с благодарностью спешу
и к ней – за тот весенний вечер,
за то...
за то...
Нет, всё скажу,
когда вернусь, при нашей встрече.

Делает несколько шагов к авансцене

С утра – в окоп, в блиндаж – на ночь,
днём стрелкотни неразбериха...
Войнуха!

Обращается к зрителям

Если вы не прочь,
тут покурю, покуда тихо.

Устраивается поудобнее, закуривает

Бойцу затишье благодать,
на час, на четверть часа даже...
Ну и про что вам рассказать?
Не знаю.
Пусть она подскажет.

Крутит каску наподобие рулетки.
На экране высвечивается выпавший «сектор»:

Гимнастёркин в наряде

На сцене снова появляется Рассказчик

Р а с с к а з ч и к.

Возникнув вновь из-за кулис,
скажу специально для галёрки:
на барабане сектор «Приз»,

Изображает пальцами кавычки.

в наряде Даня Гимнастёркин.

Нет на войне важней стрелка!
Но вы такой вопрос затроньте:
паёк солдату – как БК,
ведь кушать надо и на фронте.

Когда снабженье кувырком,
хоть жуй пенал от автомата.
Иной раз повар с черпаком
авторитетнее комбата.

Появляется Воин, он пришёл на полевую кухню
за обедом.

В о и н.

Старшой по кухне, не взыщи,
готовь для воина местечко.
В тот котелок – до верха щи,
а в этот вот – тушёнку с гречкой.

Служивый лих, когда он сыт,
об этом знает даже школьник.
Нет щей в котле?
Вопрос закрыт.
Тогда плесни сюда рассольник.

Харчо?
Молочник?
Борщ?
Уха?
Похлёбки даже нету с пшённой?
Мда-а, диспозиция плоха...
А как, скажи, дела с тушённой?

Нема?
Боюсь, и я, и взвод
таким известием задеты.
Что ж, хек с подливкой подойдёт,
сойдут поджарка и котлеты.

Р а с с к а з ч и к *(разводит руки.*

Голяк!

Услышат всё сполна –
и на отборнейшем санскрите –
начхоз, каптёрщик, старшина...
Но вы их сильно не вините.

Гнилой расклад: три дня дожди –
шлях развезло, набухли реки.
Подвоза скорого не жди,
пусты армейские сусеки.

С разведкой ноль, с артой вопрос,
швах с табаком...
Не до питанья.

Г и м н а с т ё р к и н.

Резона нету вешать нос –
на камбуз заступает Даня!

Озадаченно изучает небогатые запасы продуктов.

Картохи нет и полведра,
а вермишели – и полкаски...
Придётся суп из топора
варить, как в той солдатской сказке.

На то бойцу и голова:
не те подвыручат, так эти.
Ведь мы – окопная братва,
ведь мы – военные соседи.

Даня идёт за помощью к соседям по боевым позициям.

Г и м н а с т ё р к и н.

Наше вам, танкёры-братцы,
ратных пахари полей!
Дайте-ка полюбоваться
на крутых стальных коней...

Совершает некий обмен с танкистами.

Долгих дней богам понтона,
пусть от вас трепещет враг!
Хоть прорыв, хоть оборона –
без сапёров нам никак...

Обменивается чем-то с сапёрами.

Без связистов тоже в драку
с супостатом не впишусь.
Я, как вы, – за связь без брака...
Ладно, ладно,
я смеюсь...

Снова ченч-процедура – на этот раз со связистами.

Музыкантам мира в хату,
фарта, лычек на погон...
На трофеи не богаты?
О, душевно – за подгон!

И здесь происходит обменная операция.

И опять знакомый кто-то,
миномётчикам – салам!
Артиллерия с пехотой –
как закуска и сто грамм...

Данина тара пополняется провизией.

Вам привет, шальные люди,
шоферня, плесни тосол!
Кто в литоле,
кто в мазуте,
кто в соляре...

Пауза.

Сам пошёл!

Гимнастёркин спешит отойти от водителей. Сделка с ними явно не удалась, однако Данила бодр и даже весел. Он возвращается на кухню, держа в руках увесистые вещмешки.

Гимнастёркин.

Как ни верти, улов не мал,
как будто в вещмешках по гире.
Что не купил, то обменял,
что не махнул, то просто стырил.

Даня подмигивает нам и начинает колдовать над котлом.

Капусту – так,
консервы – смяк.
Когда запас, с обедом просто...

Пробует получившееся варево.

Готов солдатский бешбармак –
чин чинарём, согласно ГОСТУ!

Боец рубать всегда мастак,
поближе котелки, ребятки,
туда черпак,
сюда черпак...
Шабаш трёхдневной сухомятке!

Р а с с к а з ч и к .

У кухни – форменный аншлаг,
как тут...

Обводит глазами зрительный зал.

Как по субботам в бане.
А слово ёмкое «черпак» –
отныне позывной у Дани.

Рассказчик крутит оставленную Гимнастёркиным каску.
Экран снова демонстрирует выпавшую тему:

Гимнастёркин в зелёнке

Р а с с к а з ч и к .

К чему он – ников глупый грим?
Имён нормальных, что ли, мало?

Загибает пальцы.

У рифмоплётов – псевдоним,
у приблатнённых – погоняло.

А, впрочем, что нам мир блатной?
У школяров – и тех кликуха!
Вот и на фронте позывной
теперь у каждого...

Г и м н а с т ё р к и н .

Спокуха!

Кому другому, может, нет,
тебе ж подробно растолкую:
тут позывной – он как билет,
как пропуск в жизнь совсем другую.

Показывает куда-то в зал.

Тот до войны возил навоз
на К-700 в телеге драной.
А здесь он Цезарь или Босс,
Ван Дамм и даже Челентано!

Ещё один жест.

Или вон тот – как дрыщ сухой,
с таким не каждая готова...
Его военный позывной –
ты не поверишь – Казанова!

Снова указал направление.

Тот жил – лежачего не бей:
лишь до зарплаты бы хватило.
А тут он Билл (наверно, Гейтс),
а здесь он Маск (конечно, Илон).

Один в графьях,
в князьях – второй,
маркизом обозвался третий...
Аристократов – ротный строй!

Мотнул головой.

...Но я сегодня не об этих.

Чудак и в Африке чудак...
Но есть совсем другая тема.

Р а с с к а з ч и к.
Ты про кого сейчас, Черпак?

Г и м н а с т ё р к и н.
А что, не понял?
Я про Рэма.

Выходит боец с позывным Рэм. На нём маскхалат,
в руках снайперская винтовка.

Р э м.
Кто б выдал мне красивый лист –
диплом учёный на бумажке?
Ведь снайпер – что натуралист,
он кум и брат любой букашке.

Займёшь позицию свою
(бойцу в траве почти как в хате) –
и сразу кореш муравью,
жуку-пожарнику приятель.

Кузнец – усат, крылат и сух –
на фляжку прыгнет для потехи.
За ним чета влюблённых мух
на мушку сядет эсвэдэхе.

Так полежишь денёчка с пол,
не обижая божьей твари, –
и сам почти что богомол,
и сам без малого комарик.

А это кто?
Шары-глаза,
собой подобна вертолёту...

Вздыхает с сожалением.

Прости, гражданка стрекоза,
пора солдату за работу.

Осматривает местность в бинокль.

Чудно, однако: где река,
не свистнет больше зяблик звонко.
Кусты примяты у ставка
и чьи-то тени за зелёной.

Рэм перехватывает свою винтовку.

Минута...

Две...

Прицел поймал
шлем над окопом, чей-то броник...
Металл потёрся о металл –
патрон легко скользнул в патронник.

Бровь греет оптики овал,
лелеет палец сталь крючочка...
Приклад толкнул в плечо –
попал!
Повторный выстрел –
снова в точку!

Клоп, заробев, полез в свой дом,
вспорхнула бабочка-соседка.
Потом...
Известно, что потом –
кирдык с названием «ответка».

Р а с с к а з ч и к .

Как в галерее: Карл Брюллов –
Помпейский день. И даже круче.
Накрыли Рэма с трёх стволов.
Восьмидесятки.
Трудный случай.

Халат зелёный – в решето,
на берцах влаги бурой пятна...
Замес нешуточный!
Ну, кто
доставит снайпера обратно?

Помедлив, взводный молвил так
под каменяющим взглядом строя:
– Своих не бросим.
Дуй, Черпак.
С собой возьмёшь Кацо и Боя.

Данила Гимнастёркин присаживается на авансцене. Свой рассказ он начинает не сразу, говорит негромко.

Гимнастёркин.

Мы тащили его по зелёнке –
не балетных калибров мужик.
А по веткам и стеблям вдогонку
вжик
вжик

Балки, взгорки, подъёмы и спуски...
– Я живой?
– Не несли, был бы труп.
У солдата под драной разгрузкой
хлюп
хлюп

Тянем ношу – траншейное племя,
до смертельной свинцовости рук.
Автоматным прикладом о темя
тюк
тюк

Прикипели к лопаткам тельняшки,
лёт напалмовым жаром июль.
Пять минут передыха. Из фляжки
буль
буль

В догонялки играем иль в прятки,
у косой вырываясь из лап?
Лишь из мокрой насквозь плащ-палатки
кап
кап

Но всему есть конец. Есть он даже
у клубка еле видимых троп.
Бруствер... Бэтэр... Блок-пост... Вроде, наши.
Всё,
стоп

Красный крест и на рюмке гадюка...
Тут дырявых берут на постой?
– Ну, покеда! Живи, снайперюга,
лет
сто

Подымили с лепилами трокси.
А в палатку ушли доктора,
Рэм глаза приоткрыл, и на вдохе:
– Спа...
Бра...

Каска-рулетка снова приходит в движение,
выпадает очередной «сектор»:

Гимнастёркин и мобики

Р а с с к а з ч и к .

Чему так люд окопный рад?
Не Новый год, не награждение,
не построенье на парад...
Слушок по роте: пополнение!

У фронтовых намётан глаз,
Бульбаш показывает Юнге:
– Вон, за палатками, КамАЗ,
мобилизованные в кунге .

Пауза. Рассказчик делает несколько шагов по сцене.

Одних в бинтах возили в тыл,
других двухсотыми теряли:
стрелков,
разведчиков,
водил...
Давно бойцы подспорья ждали.

Когда, устав, смолкал ПК,
то было слышно после боя:
– Ты, Змей, теперь и за Крюка,
– Ты, Сид, отныне за Ковбоя.

Плечом к плечу – что по ночам,
что днём.
Служивый это знает.
Но взрыв – и справа нет плеча.
Прилёт – и слева брешь зияет.

Не очень просто, видит бог,
и квадрик бить, и жарить ВОГом.
Один за двух,
один за трёх...
И наконец – она, подмога!

Сгонять неплохо б к мужикам,
порасспросить, стрельнуть махорки...

Рассказчик внимательно присматривается к тому, что происходит у палаток.

Но кто уже маячит там?
Неужто Даня Гимнастёркин?

Действительно, Черпак стоит у КамАЗа и степенно беседует
с новым пополнением

Г и м н а с т ё р к и н *(продолжая начатый рассказ)*.
...И таких историй море.
Вот ещё достойный хит:

в головном иду дозоре,
вижу, значит, летит!

Тонн на восемь – если нетто –
с грузовик ваш по длине...
Что летит?
Летит ракета,
мы же, парни, на войне.

Не какая-нибудь мелкость,
вроде древних пик и стрел.
Фронтной зачёт на целость:
тот, кто сдал – остался цел.

Приосанился.

Гимнастёркин малый меткий.
Он, отбросив канитель,
взял прицел,
нажал гашетку...
Ясен перец – точно в цель!

Бах! Ракета – на детали,
на куски...
Замкомполка
мамой клялся, что к медали
сам представит Черпака.

Оценивает, как молодые восприняли эту историю.

Что глядите удивлённо?
Вот другой пример внахлёт:
прёт на взвод бронеколонна,
между нами только мост.

Пять минут – и будут вилы...
Ус седой потеребя,
старшина гудит:
– Данила,
вся надежда на тебя!

Что ж, рванул с мешком пластида.
Мост – в труху, японский клёш!

Многозначительный взгляд

Тут медаль бойцу – обида,
тут мне орден вынь-положь!

Внезапно Данила преображается. Куда делись его
горделивая осанка, надменный вид...
Черпак хохочет.

Гимнастёркин.
Ну, как вам рóман?
Зашибись?

Смотрит в зал, пожимает плечами.

Молчит братва, врубиться силясь.

Снова – к мобилизованным.

Эх, вы! Как лохи повелись.
Эх, вы! Задёшево купились.

Оборвал смех. Теперь Даня вполне серьёзен.

Черпак похож на Халка? Он
похож на Рэмбо с огнемётом?..
Война – не тир, не биатлон,
мужская нудная работа.

Респект лихим!
Крутым почёт!
Но на войне джек-пот срывает
тот, кто другого переждёт,
пересидит, перешагает,

перемолчит, хитрит-пере,
перекопает, перескачет...
Чем взять бойцу в такой игре?
Всё верно, мобики, удачей.

Она солдату – божий дар...

Посмотрел на одного новобранца.

Кто подогнал иконку?
Мама?

Одобрительно кивнул, взглянул на другого.

Небось на шее Зульфикар?

Улыбнулся. Перевёл глаза на третьего.

Что под тельняшкой?
Дугаржама?

Кивает с пониманием.

Один – кольцо, другой берёт
монетку в роли амулета...
А у меня осколок.

Вот –
он мне достался от прадеда.

Гимнастёркин демонстрирует собеседникам свой необычный талисман.

Видали талисман такой?
А мне другого и не надо.
Кусок железа предок мой
словил под самым Сталинградом.

Его безусый человек
принёс с войны.
Плюс три медали.
С тех пор – семейный оберег.
Как мне сюда – с собою дали.

И вот, как видите, живой,
смерть не зовёт к себе в объятья...

Оглянулся туда, где находится его подразделение

Ну всё, пора к своим, отбой.
Удачи всем.
Трудитесь, братья!

Даня убирает талисман в нагрудный карман, козыряет и переходит на другое место. Здесь он вновь использует шлем в качестве рулетки:

Гимнастёркин против коптера

Р а с с к а з ч и к.
Фортуны шутки часто злы:
вчера наряд, и завтра снова
картошку чисти, мой полы...
Бойцу не сладко?
Стопудово.

А, предположим, на посту
малой полдня стоит бессменно
от караулки за версту...
Он затоскует?
Неприменно.

Когда иссяк боекомплект –
хоть вместо мин швыряй камень,
когда уже патронов нет,
солдату страшно?
Без сомненья.

Но даже там, где плеск огней,
где клочья стали рядом свищут,
бывает во сто крат страшней...

Появляется Посыльный из штаба.

П о с ы л ь н ы й.

Во сто?

Мне кажется, что в тыщу.

В строю накачанных мужчин
ты твёрд рукой, душой спокоен.
Но плохо, если ты один
на всё большое поле воин.

И сразу дрогнула рука,
душа под стельку берц упала...
Всё – ты винтовка без бойка,
всё – ты граната без запала.

Да – речь почти что о нуле
(кого скребёт, что ноль в мундире?)
Когда в единственном числе,
ты не солдат –
фигурка в тире.

Приятность, я вам доложу,
как от просроченной касторки...

Посыльный замечает выходящего на сцену Гимнастёркина.

Зверь на ловца!
Как погляжу,
прямой наводкой – Гимнастёркин!

Обращается к Даниле.

А я как раз к тебе, казак.

Здороваются.

С Большой земли не ждёшь посланья?
А ну-ка, сбацай брейк, Черпак!
А ну-ка, врежь лезгинку, Даня!

Дразнит бойца конвертом.

А вышло всё собой само:
гумгруз на полк пришёл весомый,
распаковали – там письмо,
и адресат вполне знакомый.

Данила делает несколько шуточных танцевальных па,
потом отбирает письмо у Посыльного.

Г и м н а с т ё р к и н.

Эх, за такую красоту
тебе налить бы – да не чая...

Распечатывает конверт, вчитывается.

«Считаю дни...
Волнуюсь...
Жду...
Всё время думаю...
Скучаю...»

Отрывается от чтения.

И слов таких – страниц на пять,
Чуткá дыханье спёрло даже...
Про службу просит рассказать,
про нашу жизнь...
А что расскажешь?

Берёт чистый листок, достаёт ручку. Задумывается.

Где время взять?
В блиндаж засеб,
писать про всё – это дня на три.
Я ж не Толстой, который Лев...

Внезапно бойца осенило.

Во!
Расскажу-ка ей про квадрик.

Гимнастёркин то ли пишет, то ли нам рассказывает.

Вот картина: террикон,
дивный вид со всех сторон.
Гимнастёркин на вершине –
наблюдатель, значит, он.

Ничего себе досуг,
на сто вёрст видать вокруг.
Хочешь, зри в бинокль на север,
хошь – на запад,
хошь – на юг.

Ветер ласков, ясен день,
солнце светит...
Лепотень!
Вдруг откуда непонятно
на НП ложится тень.

Даня даже поёжился от таких неприятных воспоминаний.

Сердце сразу ёк-ёк-ёк,
недвусмысленный намёк:
не иначе, вражий коптер
наблюдателя засёк.

Натуральнейшая жуть!
Жути этой вот в чём суть:
либо даст координаты,
либо скинет что-нибудь.

Тянет смертным сквозняком,
дрон не свалишь матюком...
И один у Дани выход –
с террикона кувыркком.

Гимнастёркин задумался. Грызёт авторучку в волнении.

Ситуация – отстой:
потный, пыльный и шальной,
головой в овраг ныряю...
Этот гад летит за мной!

Я на поле – страха от,
заливает щёки пот,
по подсолнухам петляю...
Аппарат не отстаёт!

Чья-то ловкая рука
погоняет Черпака,
как паршивого лисёнка,
как последнего сурка.

Данил нервно почесал щёку.

Больше нету сил, упал.
Точно, думаю, пропал!
И вот тут из-за зелёнки
раздаётся дружный залп.

Я свободен!
Я живу!..
И – во сне ли, наяву? –
в хлам разбитый квадрокоптер
камнем валится в траву.

Пауза. Данил снова задумался.

Понимаешь, что есть жись,
только смерть увидев вблизи.

Усмехнулся.

И откуда только возле
дээргэшники взялись?

Возвращались из ночной,
видят – малый сам не свой...
Вот и выпало спецназу
познакомиться со мной.

Посмеялась молодёжь,
да над чем и было – что ж...
А один из них, чеченец,
подарил трофейный нож.

Даня в очередной раз поставил рассказ паузу – наверное, вспомнил что-то.
Достал тот самый нож – осмотрел его

Докурили не одну,
да и снова на войну.
За бакшиш спасибо, нохча,
будет случай – долг верну.

Гимнастёркин перечитывает написанное. Видно, что результатом он доволен

Ну что, Черпак, гордись собой:
слог строен, стиль великолепен...
Да тут, пожалуй, не Толстой,
да тут, похоже, сам Прилепин!

Даня снова вчитывается в строки своего письма.

Ещё, немного погодя,
ей напишу про ту ракету,
про кашу, мобиков...

Задумался.

Хотя...
Зачем ей знать про всё про это?

Решительно комкает исписанный лист. Берёт другой, пишет новое послание.

Жив и здоров...
Друзья кругом...
Не раз наградами отмечен...

Перегибает лист, вкладывает его в конверт. Обращается к залу.

А остальное всё – потом,
когда вернусь.
При нашей встрече.

Данила заклеивает конверт и опускает его в каску, которая теперь играет роль почтового ящика. Затем он крутит шлем – на нём выпадает новый «сектор»:

Гимнастёркин у матери погибшего товарища

Р а с с к а з ч и к .
Не сон, не баночка пивца,
не в а м у н и ц и и о б н о в к а –

предел желания бойца.
А в ближний тыл командировка.

Найти бы повод лишь – и в путь!
Пайка не жаль за день безделья –
военный морок отряхнуть,
душой остыть,
почистить перья.

Пусть в штаб – анкету сдать свою,
на склад – забрать для роты вещи...

Мечтательно шурится.

Сидишь там, будто бы в раю,
а, может, и того похлеще –

в столичном баре средь текил,
с заокеанской сигаретой...

На сцене возникает Старшина, который выносит с собой
пару тяжело гружёных сумок

Старшина.

Ну а когда в глубокий тыл,
то вообще мечта поэта!

Куда ни глянь – сплошной восторг,
забытого осколки лоска:
в тылу тебе и военторг,
и баня,
и кафе «Берёзка»,

и продуктовый магазин,
и промтоварный – были б гроши...
А взгляды томные дивчин?

Вздыхает.

Чего таить...
И взгляды тоже.

Герою разве мудрено
сыскать себе в тылу подружку?
Бери одну – веди в кино,
с другой потом канай в кафушку.

А ляжет масть – в престижный бар
зови с собой одну из девиц,
ведь ты в её глазах гусар,
кавалергард,
конногвардеец.

Пускай отсутствует палаш
и патч заместо эполета...
Не только в парк или на пляж,
с таким любая – на край света,

в пучину, в темь и топь... Едва
ли не до смертной грани!

Отмахивается от неуместной мысли.

Но эта глупая ботва
сегодня как-то мимо Дани.

Передаёт сумки появившемуся на сцене Гимнастёркину.

Старшина.
До городка – кэмэ пятьсот,
штабным как раз туда дорога.
Короче, Даня, это вот
доставить надо маме Дока.

Раскрывает сумки, показывает содержимое.

Его медаль...
В конверте – нал...
Вот тут – гостинцы от народа...
Ты, мне сказали, Дока знал.
Из твоего парнишка взвода?

Данила кивает, забирает сумки, переходит с ними на другой край
сцены, где сразу же оказывается в квартире мамы своего сослуживца
Паши-Дока.

Гимнастёркин.

Да, знал.
Конечно, Пашу знал –
того же взвода...
После учебки к нам попал
назад с полгода.

С ним хоть на север, хоть на юг,
хоть в зной, хоть в стужу...
Надёжный воин, верный друг,
других не хуже.

Артой накрыли – каждый чел
в упоре лёжа.
Но, зубы стиснув, взвод терпел,
и Паша тоже.

Лишь миновал налёта срок –
вставай, пехота!

Все по местам!
И Пашка-Док
у пулемёта.

Гимнастёркин делает долгую паузу.

Бой подутих. Молчит народ,
устал – ещё бы!
А он нам – свежий анекдот,
не кисли чтобы.

Данила вновь смолкает, не знает, как продолжить.

Задёрнуть память был бы рад,
как занавеску...

Мотнул головой.

Но кто мог знать про этот «Град»
за перелеском?

Гимнастёркин делает шаг назад.

Кто проморгал?
Кто виноват?
Теперь чего там...

Кивает на сумки.

А это...
Это от ребят –
собрали взводом.

Тут понемногу всяких круп:
пшено, перловка...
Там концентрированный суп,
он из столовки.

Тушёнка, масло, шпроты, сок,
под ним – салака.
Вот тут сгущёнка сбоку – Док
любил, однако.

Пакет рожков (всегда нужны),
куль вермишели...
Всё, что нашлось у старшины,
всё, что сумели.

А здесь комбата доля.
Он
дал фляжку водки...

Перебирает содержимое сумок.

Награды Пашины, смартфон –
там его фотки.

Снимал бойца в конце зимы
внутри «ГАЗели»...

Достал конверт.

Немного денег... Всё, что мы
собрать успели.

Украдкой смотрит на часы

Ну, мне пора уже –
приказ
спешить к водиле...

И снова долгая пауза. Гимнастёркин делает усилие,
чтобы сказать самое главное.

За Павла извините нас –
не сохранили.

Боевой шлем-рулетка вновь приводится в движение.
На этот раз выпадает такая тема:

Гимнастёркин и пленный

Р а с с к а з ч и к.

Что штурмовик, что замполит –
мы все из мирной жизни родом.
Припомнишь вдруг гражданский быт –
и на душе как будто мёдом.

В том достославном далеке
не знали мы цены подарка:
желаешь – топай на хоккей,
а нет –
гуляй с детьми у парка.

Иной в музей берёт билет,
на лыжах – этот,
этот – в бане.
У телевизора эстет
проводит вечер на диване.

И так бывало (чем не хлеб?):
солидно, чинно и без спешки
под две по двести плюс прицеп
с друзьями посидишь в пельмешке.

В бассейн – поплавать на спине,
резвиться с триммером – на дачу...

Серьёзно и отстранённо глядит в зал.

А на войне как?
На войне
всё обстоит совсем иначе.

Рассказчик понижает голос до степени доверительности.

Не до музеев, не до лыж,
когда гудят шальные пули...
Ну, с земляком потарахтишь
в свободной смене,
в карауле.

Ну, шуткой он подковырнёт –
ответишь прибауткой старой,
расскажешь зёме анекдот –
и он тебе расскажет пару.

Ну, сотней подходящих слов
ему опишешь путь свой грешный,
поприукрасив для понтов...
И он тебе приврёт, конечно.

Переходит на другую сторону сцены.

Украдкой тяпнешь полста грамм
горючей влаги без закуски...
В каптёрке с горем пополам
добудешь новую разгрузку...

Чтоб не дремалось на заре,
сенцом пыхнёшь не понарошку...
В окопе дальнем на костре
пожаришь мёрзлую картошку...

Рассказчик пожимает плечами.

Ну в душ всей ротой сводят вдруг,
ну сухпайком махнёшься с другом...
Пожалуй, вот и весь досуг.
На передке с досугом туго.

На сцену выходит Фронтовой водитель.

Водила.
Но что такое?
На раз-два
всё расцвело палитрой яркой...

Лукаво подмигивает.

Да то шофёрская братва
сгоняла за гуманитаркой.

Пока туманно с утраца,
туда-сюда слетали живо.
Вот где он – праздник для бойца,
потлач армейского разлива!

В душе – как дождь грибной пролил,
как человек желанный в гости,
как будто кто-то проложил
от передка до дома мостик.

Среди невзгод,
среди потерь,
среди круглосуточного гула
открылась вдруг родная дверь;
и дорогим теплом пахнуло.

Водила задумчиво следует на противоположный край сцены.

Ты кто?
Какой-то имярек,
безвестной роты пехотинец...
А незнакомый человек
взял и прислал тебе гостинец.

Осматривает гуманитарный груз.

Из Туймазов, из Теберды,
из Усть-Илги, Норильска, Брянска,
из Соликамска, Воркуты,
Читы, Хабаровска, Невьянска...

Трогает одну посылку.

В коробке бритва, шоколад,
термобельё...
Как к днюхе другу!
В семействе будто старший брат
вдруг протянул меньшому руку.

Одну за другой берёт коробки, изучает.

Уфимский мёд – ему хвала...
Тверские вареники кому-то...
Шпик подкопчённый из Орла...
Унты оленьи из Сургута...

Вот это да!
Шлёт Волгоград
икру – той жизни отголоски...
Ишим – компрессор и домкрат...
В три нитки свитер – точно омский...

Сдвинул брови – пошёл груз другого характера.

Тут дальномеры из Тувы...
Прицелы – Владик

Смущённо кашлянул.

(думал – крабы)...
Зачётный квадрик – от Москвы...
Масксети – это от Челябин.

Озадаченный таким размахом гуманитарки, Водила снова меняет дислокацию.

Ты только глянь, расклад каков:
Томск – с миномётной батареей,
с танкистами – Тагил и Псков,
а Кострома со мной, в траншее.

Бойцу, когда к спине спина,
не зябко и в окопной яме...

Хлопает себя по коленке, силясь уразуметь масштаб поддержки.

Выходит, с нами вся страна,
сто сорок миллионов с нами!

Вчитывается в адреса отправителей груза.

Тут что ни город – побратим,
и что ни адрес – нас касаем...

Делает призывный знак рукой.

Кому, архаровцы, стоим?
Для вас доставил.
Налетаем!

Однако войны не успевают разобрать гостинцы.
На сцену быстрым шагом входит Гимнастёркин.

Г и м н а с т ё р к и н .
Бываю очень терпелив,
но иногда кипишь от злости...

Замечает коробки, отмахивается – мол, не до них.

Потом с подарками.
Прорыв –
в шестом квадрате снова гости!

Водила и Рассказчик убегают, чтобы занять боевые позиции. Данила некоторое время стоит, оглядывается, будто обстановку изучает. Затем находит место в углу сцены, присаживается. Вид у него после боя – очень утомлённый.

Нормальный бой – каких пятьсот,
стандартный бой, обыкновенный...
Подбитый бэтэр,
смятый дот,
трофеев чуть...

Пауза.

И этот пленный...

Спустя некоторое Дания время продолжает свой рассказ.

Он приткнулся в углу, на матрасах,
молодосенький – двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза
и в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах – с автоматом казак.
– Эй, герой! Ты из этого боя?
Приподнялся малой:
– Точно так.

Неказиста у хлопца фатера,
свет скупой из-под самых стропил...
– Получается, из бэтэра
ты по мне разрывными лупил?

Дело прошлое – всей нашей роте
было жарко от вашей брони.
Пожимает плечами:
– Выходит,
я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
с двух «шмелей» взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
а Толян в бэтэре сгорел.

Говорят, что боец, умирая,
попадает в небесный штрафбат...
В том бою потеряли мы Кая
и трёхсотыми пару ребят.

Дать за Кая бы в лоб со всей дури,
так домой Кай хотел к декабрю!..
Держит что-то однако.
– Закурим?
Виноватый смешок:
– Не курю.

Не идёт разговор. Между нами
боль,
война,
окаянные дни...
– Мне б короткий звонок... Мне бы маме...
Достаю телефон:
– Позвони.

Гимнастёркин встаёт, выпрямляется, разглаживает складки на форме.

Мне б тоже к маме...
Поутру
явиться вдруг – вот было б дивно!
К друзьям по школе,
по двору,
по нашей секции спортивной...

Воображает, что оказался дома.

Идёшь такой – в наградах весь –
и пацанва поодаль следом.

Осматривается.

Тут я с отцом гулял.
А здесь
гонял на велике с соседом.

Показывает.

Здесь классом слушали «металл»,
Сбежав тайком с литературы.
Тут я котёнка подобрал –
Прикольной масти серо-бурой.

Подрался – там, где поворот.
Здесь – доливал в мопед бензина.
Тут с другом спорил,
а тут вот...
А тут – особая картина.

Даня помолчал – нахлынули воспоминания.

Впервые увидел её –
на той скамейке,
у фонтана.

Задумался.

Какое дальнее быльё!
Как будто в фильме –
даже странно...

Вон там мы шли – вдоль тополей,
вот тут я в чём-то ей признался...

Кажется, Данила на что-то решился.

Что ж, раз явился, топай к ней...

Опомнился.

Ты что-то, Даня, размечтался!

Переходит на новое место – ближе к авансцене.

До той поры нам в полный рост
под вековечное «Прорвёмся!»
протопать надо столько вёрст!..

Улыбнулся, подобрал с пола каску.

Но всё равно домой вернёмся!

Знакомых в гости пригласим,
На старой каске погадаем...

Данила внимательно осматривает шлем, словно проверяет его боевую готовность, затем надевает, затягивает на подбородке ремешок. Каска изменяет воина – теперь он очень серьёзен и подтянут.

Ну а пока пора к своим –
перед рассветом выступаем.

Свет затухает, и застывший по стойке «смирно» боец словно растворяется
в наступающих сумерках.

Занавес